

О ДАРЕ СВОБОДЫ

Родина наша вступила на новый исторический путь. Совершилось великое. В мировой истории переворачивается новая страница, во всемирно-исторической трагедии открывается новый акт. Народ русский вступает в пору исторической зрелости, свободного избрания своих путей, самотворчества и самоопределения. Пред ним самим, как и перед всем миром, теперь до последней глубины раскрывается его душа: и ясная гладь Светлоозера, в которой отразились золотые кресты и колокольные главы Китежа, и жуткая, темная, зловещая глубь. «Держава Российская» сменяется империей, «правовым государством» отныне объемлется Святая Русь, в нее же веруем и ее же ищем. Все стихия народной души должны расслониться и, расслоившись, свободно найти себе место, организоваться и явить свою природу. Дело освобождения не может остаться только внешним политическим актом, оно должно стать и духовным подвигом, творческим деянием русского народа. Свобода должна родиться из недр народного духа, в которых зародился и самый импульс свободы, ее стихийная жажда. Политическое освобождение явилось актом патриотической традиции в великой войне, порождением патриотической традиции: истоки ее не в буйстве, но в почитании, не в ненависти, но в любовной заботе о родине. И свобода должна стать выражением исторического совершеннлетия народа, следствием его самовоспитания. Свободный народ и духовно должен стать богаче и сильнее, нежели находившийся под опекой. Он призван явить новый возраст своего духа, которому соответствует свобода, иначе последняя лишается своих корней, превращается в волнение крови и вольнолюбивое буйство. А тогда неизбежно наступают и то внутреннее самоуправление, которое свободнолюбцу Пушкину не когда подсказало горькие строки разочарования: «свободы сеять пустынный». Здесь, в собрании русских писателей, как живых носителей священнейшего предания рус-

ской культуры с ее великими духовными ценностями, в эти дни, когда безраздельно царит политика, интересуют только политические программы и кипят партийные страсти, я чувствую потребность и даже долг призывать родину и к тому, чтобы прислушиваться к глубине народной души, к ее некрикливому голосу и потаенному шепоту. Я чувствую потребность говорить о свободе не как о факте, а как о задаче и духовном подвиге, — о том «таинстве свободы», к которому считал нарочито призванной Россию Хомяков. Да, свобода есть дар небес, только труднодоступный дар, которого должны мы взывать всенародным усилием и духовными жертвами. Есть свобода отрицательная, безудержного «все позволено», зоологического засилья «интересов», и есть свобода творчества и ответственности, духовного достоинства. Конечно, естественно, что в первые дни после падения ржавого железа восторженно переживается и та первая, внешняя свобода. Это столь же естественно и законно, как и то, что вырвавшимся на простор полей узнику хочется двинуться, бегать, веселиться, физически ощущать свободу. Но одновременно должны выступить и сознание обязанности свободы, великая и радостная ее ответственность. Она говорит всему народу и каждому из его членов, что отныне он может и должен быть самим собой, призван встать во всю свою силу и величину. Он ответствен пред родиной за духовные богатства, ею накопленные и выстраданные, он не может их предавать или расточать, иначе свобода явится нашествием гуниов на русскую культуру. Он должен сознавать себя ответственным гражданином русской истории, блюстителем священных ее иерархий, хранителем таланту и достоинству в свободе, лучше всего учит нас Англия, самая свободная страна в мире. Великие англичане Карлейль и Рескин рассказывают нам это «таинство» английской свободы, как идеал свободного иерархизма, который некогда предносился генералу Платону, и в этом-то и состоит положительная основа свободы, которая есть менее всего внешнее, формальное, механическое равенство. И этой свободе, таким образом понятной, поучают нас священные заветы родной истории. Свободе в общей вере и любви, единству в соборности, учит нас православная церковь, душа души народной. Свободе как почитанию предков и всеобщему братоворению, как подвигу смирения и самоотвержения, учит нас наша великая литература, великие поэты и мыслители. Не су-

притягивает великая правда правды войдет в русскую жизнь. Если же Россия так и не достигнет этой свободы, то не освободит нас и самые свободные политические формы, и мы будем владеть цепи дурацкого рабства. В сердцах, в самой душе народа русского должно совершиться это самоопределение, самоотверженный подвиг свободы. Из сердца человеческого исходят два пути свободы: той, о которой сказано: «где дух Господен, там свобода», и той, в которой побеждает духовный нигилизм и многоликая деспотия. В неделю крестной покаянной, когда в православных храмах раздавался евангельское слово о крестном пути самоотвержения, пришла к нам свобода. И эта символика времени говорит нам, что мы должны творчески принять свою свободу как некое крестоношение, трудное, но и спасительное, как во Христе благое и легкое бремя. Влад <имир> Соловьев в одном из торжественных обращений к русскому народу (в предисловии к «Национальному вопросу»), говоря о двух путях — правды и лжи, свободы и насилия, пред ним лежащих, — вспоминал при этом слово предостережения, сказанное Моисеем своему народу. Им же и мне хочется ныне закончить свое слово, ибо и теперь пред русским духом, в новых исторических формах, остаются те же два пути, две духовные возможности: свободы и рабства. «Призываю ныне в свидетели небо и землю: жизнь и смерть положил я ныне пред лицом вашим, — благословение и проклятие. Избери жизнь, да живешь ты и семья твоя» (Второзаконие. XXX, 19)7.

ХРИСТИАНСТВО И СОЦИАЛИЗМ

ПЕРВОЕ ИСКУШЕНИЕ ХРИСТА В ПУСТЫНЕ

Каждому памятен евангельский рассказ об искушениях Христа в пустыне и, в частности, о первом из них. «И, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему искушитель и сказал: если ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сдělались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом одним жив будет человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4, 2—4). Всякое искушение содержит в себе некую правду, извращенную, однако, до односторонности и лжи. Чувство голода, угрожающего истощением, свидетельству-

существует свобода вообще, а есть только конкретная, осознанная свобода, и наша задача в том, чтобы быть достойными русской свободы. В ней мы должны по-новому, а вместе и по-старому почувствовать русскую идею, и тогда лишь русское освобождение явится не только революцией, но и духовною победой. Мы должны ощутить в зарождающемся энтузиазмом русском сердце все, что дорого и священо нам в русской истории. Мы должны сознавать, что мы ни от чего не отрываемся и ничего не теряем духовно из положительных ее ценностей. Они остаются с нами, хотя и в измененном, претворенном, преображенном, интегрированном виде. Так и отделившаяся душа при своем росте и собирании сил в каждом моменте своего бытия творчески сохраняет и утверждает все свое прошлое и, напротив, разорванная и опустошенная, дезорганизованная душа всего этого лишается. В нашей свободе мы должны услышать плач Ярославны и половецкую битву, киевскую удельную Русь и московские думы и заветы московского царства с мечтою о «третьем Риме»³, и горение русского сердца в новейшую эпоху с ее озарениями и взлетами. Политическая катастрофа, разрушившая лишь то, что умерло и отжило, не должна обеднить нас духовно. Напротив, все, что было достойного и святого в прошлом нашем, мы призваны сохранить и возростить, превозмогая гниение и не давая ему распространиться вовнутрь. Быть достойным русской свободы значит чувствовать родину, Россию, стоящую ныне перед страшным врагом, под великой угрозой. Быть достойным русской свободы значит любить и чувствовать душу народную, верить в русскую идею и русское призвание. Быть достойным русской свободы значит любить и верить в те святыни, в которые верит народ наш, хранящий их в глубине сердца, чтобы рано или поздно изнести их на поверхность. Быть достойным русской свободы значит хотеть подлинной свободы суждения и мысли, над которой «Богу неугодны насилие и гнет», преодолеть деспотизм демагогии и нетерпимость партийности, омрачающих свободу; это значит воспитывать себя в действительной свободе мнения, а не в раболепстве, и в этом видеть единственный залог своего существования. *Возможность* свободы достигнута, но этой духовной свободы — скажу без лести — я еще не вижу. И если Россия достигнет этой велицемерной свободы, той свободы мысли и слова, которую исповедовали наши старые славянофилы⁴ и мы ныне отстаиваем пред новыми народными potentатами⁵, тогда

НЕОТЛОЖНАЯ ЗАДАЧА
(О Союзе христианской политики)

ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРА

ЦЕРКОВЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС

ГЕРОИЗМ И ПОДВИЖНИЧЕСТВО
(Из размышлений о религиозной природе
русской интеллигенции)

ХРИСТИАНСТВО И СОЦИАЛИЗМ

НА ПИРУ БОГОВ (Pro и contra):
Современные диалоги

АГОНИЯ

ХРИСТИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

С. Н. БУЛГАКОВ

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

НКР 9671